

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2008 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/83/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2008 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “ЮСУПОВА И ЗАУРБЕКОВ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 22057/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Текст был отредактирован 27 марта 2009 года
согласно Правилу 81 Регламента Суда

СТРАСБУРГ

9 октября 2008

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 апреля 2009 года

В деле “Юсупова и Заурбеков против России”

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджи Малинверни, *судьи*,

и Андре Вампах, *Заместитель Секретаря Секции*,

Заседая 18 сентября 2008 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№. 22057/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, госпожой Розой Магомедовной Юсуповой и господином

Айнди Абдулхасимовичем¹ Заурбековым («заявители») 1 ноября 2001 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" ("SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляли г-н П. Лаптев и г-жа В. Милинчук, Представители Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, на то, что их родственник исчез после задержания властями. Они также жаловались на отсутствие адекватного расследования этого инцидента и на то, что испытали душевные страдания в связи с этими событиями и отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении нарушений их прав. Они ссылались на Статьи 2, 3, 5 и 13 Конвенции.

4. 29 августа 2004 года Президент Первой секции принял решение в соответствии с Правилом 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Решением от 3 мая 2007 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои письменные замечания (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители родились в 1958 и 1983 годах соответственно и проживают в городе Грозный Чеченской Республики.

A. Факты

8. Первая заявительница была замужем за Абдулкасимом Заурбековым, 1951 года рождения. У них было четверо сыновей – Арби, 1972 года рождения, Алавди, 1982 года рождения, Айнди, 1983 года рождения (второй заявитель), и Магомед-Салах, 1995 года рождения, и они проживали в Грозном, Чечня.

1. Исчезновение Абдулкасима Заурбекова

9. С 15 августа по 16 октября 2000 года Абдулкасим Заурбеков работал крановщиком во временном отделе внутренних дел Октябрьского района г.Грозного («Октябрьский ВОВД») по краткосрочному трудовому договору.

¹ Изменено 27 марта 2009 года: отчество второго заявителя - Абдулхасимович.

10. 16 октября 2000 года Октябрьский ВОВД сообщил г-ну Заурбекову, что его договор не будет продлен в связи с отсутствием финансирования, ему было предложено забрать свою зарплату на следующий день.

11. 17 октября 2000 года, около 11:00 утра, Абдулкасим Заурбеков и второй заявитель прибыли к Октябрьскому ВОВД. Первый из них вошел в помещение ВОВД, чтобы забрать свою зарплату, в то время как второй ждал в автомобиле перед постом безопасности в 200-300 метрах от главного входа.

12. Подождав определенное время, второй заявитель дважды спрашивал о своем отце у офицеров, стоящих на посту, которые сказали ему ждать. Около 19:00, когда стемнело, второй заявитель вновь спросил о своем отце, на что офицеры милиции ответили ему, что в помещении ВОВД «гражданских лиц не осталось». Второй заявитель затем вернулся домой.

13. После этого заявители ничего не слышали об Абдулкасеме Заурбекове.

2. Розыск заявителями Абдулкасима Заурбекова

14. С 18 октября 2000 года заявители неоднократно лично и в письменной форме обращались в различные органы власти, в том числе в Октябрьский ВОВД, районную и городскую военные комендатуры, прокуратуры различных уровней, отряды милиции особого назначения, Управление по Чеченской Республике Федеральной службы безопасности («Чеченское управление ФСБ»), местные и региональные административные власти и к Специальному представителю Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике. В своих письмах властям заявители ссылались на факты исчезновения их родственника и просили содействия, а также информировать их о расследовании. На большинство из этих обращений ответа не поступило, либо были даны лишь формальные ответы о том, что запросы заявителей переправлены в различные органы прокуратуры.

15. Утром 18 октября 2000 года заявители и другие родственники посетили Октябрьский ВОВД и спросили об Абдулкасеме Заурбекове. Невестка первой заявительницы и еще один родственник были допущены в помещение ВОВД и поговорили с г-ном С., начальником Октябрьского ВОВД. Он сказал, что он не имеет информации о местонахождении Абдулкасима Заурбекова, что не имелось никаких оснований для его задержания и что такого лица нет среди задержанных, содержащихся в Октябрьском ВОВД. Кроме того, г-н С. заявил, что Абдулкасим Заурбеков покинул помещение ВОВД после того, как получил свою зарплату.

16. Невестке (золовке) первой заявительницы также удалось просмотреть журнал регистрации посетителей, в котором она обнаружила запись, согласно которой Абдулкасим Заурбеков вошел в

здание в 11:20 17 октября 2000 года. Там не было записи, подтверждающей, что Абдулкасим Заурбеков когда-либо покидал Октябрьский ВОВД.

17. В течение первой недели после исчезновения Абдулкасима Заурбекова первая заявительница поговорила с несколькими людьми, которые предположительно видели ее мужа в помещении Октябрьского ВОВД 17 октября 2000 года. В частности, первая заявительница встретила с офицером милиции Николаем, который сказал ей, что Абдулкасим Заурбеков помогал ему ремонтировать двигатель, а затем пошел в бухгалтерию, чтобы получить свою зарплату, пообещав прийти обратно, но уже не вернулся. Первая заявительница также поговорила с двумя рабочими, которые сказали ей, что они были задействованы в ремонтных работах в помещениях ВОВД 17 октября 2000 года и видели, как Абдулкасим Заурбеков входил в ВОВД между 12:00 и 13:00, однако, они не видели, чтобы он уходил.

18. Первая заявительница поговорила также с представителем военного прокурора Чеченской Республики, который пообещал ей узнать, содержится ли ее муж на военной базе в Ханкале. Через несколько дней представитель сообщил первой заявительнице, что ему удалось провести розыски ее супруга только в местах расположения воинских частей, и Абдулкасим Заурбеков там под стражей не содержится. Это должностное лицо также заявило, что у него нет доступа к иным родам вооруженных сил, и он не мог проверить расположения подразделений Главного разведывательного управления, специальных отрядов быстрого реагирования и отрядов милиции особого назначения.

19. По сведениям первой заявительницы, во время поиска своего мужа она обнаружила, что значительное число людей подверглось дурному обращению со стороны должностных лиц Октябрьского ВОВД или исчезли после содержания под стражей там.

3. Официальное расследование исчезновения Абдулкасима Заурбекова

20. 20 октября 2000 года Октябрьский ВОВД начал проверку по факту исчезновения Абдулкасима Заурбекова.

21. 28 октября 2000 года Октябрьский ВОВД решил не возбуждать уголовное дело в отсутствие доказательств того, что в отношении Абдулкасима Заурбекова было совершено какое-либо преступление.

22. 8 ноября 2000 года прокуратура г. Грозного отменила вышеуказанное постановление и возбудила уголовное дело №12260. В январе 2002 года первой заявительнице стало известно, что данное уголовное дело было возбуждено в связи с убийством ее мужа.

23. Как утверждают заявители, после того, как было начато расследование, первая заявительница регулярно посещала Грозненскую прокуратуру, чтобы узнать о принятых мерах. Согласно

объяснениям заявителей, г-н Б., прокурор Грозного, и г-н Л., следователь, ведущий дело, сказали первой заявительнице оставаться дома, так как они сами приедут к ней. Они также пообещали привлечь милицейских собак к розыску ее мужа, но этого не было сделано. В ответ на ходатайство первой заявительницы о допросе определенных должностных лиц ВОВД до того, как они уехали на место своего постоянного проживания в другом регионе России, г-н Л. сообщил, что их будет легче допросить там.

24. 12 ноября 2000 года, после того, как их командировка была окончена, г-н Б. и г-н Л. уехали из Чечни на свое постоянное место жительства.

25. Письмами от 11 и 18 ноября 2000 года прокуратура Чеченской Республики перенаправила обращения первой заявительницы в Грозненскую прокуратуру.

26. 5 декабря 2000 года Чеченское управление ФСБ сообщило первой заявительнице, что их должностные лица не задерживали ее мужа и не имеют никакой информации о его местонахождении. Обращение первой заявительницы было передано в Грозненскую прокуратуру.

27. В определенный момент в декабре 2000 года первая заявительница получила информацию, согласно которой ее муж содержался на военной базе Ханкала. Как указывает заявительница, в ответ на ее ходатайство о проверке данной информации г-н Ш., который в тот момент являлся следователем, ведущим дело, сказал, что он «боится ехать в Ханкалу», так как он сам «может исчезнуть там».

28. В неопределенную дату в ноябре-декабре 2000 года другой следователь Октябрьского ВОВД, г-н Лапин сказал первой заявительнице, что, согласно его информации, Абдулкасим Заурбеков мертв. Тем не менее, он отказался предоставить какие-либо дополнительные объяснения.

29. 24 января 2001 года Администрация Чеченской Республики направила обращение первой заявительницы в военную прокуратуру военной части 20102.

30. Постановлением от 15 февраля 2001 года первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному №12260. Заявительница получила копию данного постановления.

31. 15 июля 2002 года уголовное дело №12260 было соединено с тремя другими делами, возбужденными в связи с исчезновениями жителей Грозного в разное время в 2000 году.

32. Письмом от 30 июня 2003 года прокуратура Чеченской республики сообщила первой заявительнице, что уголовное дело было возбуждено по ч.1 ст.105 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с убийством их родственника, так как «в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует такое противоправное деяние как «безвестное отсутствие», в связи с чем, уголовные дела по факту

безвестного отсутствия, по сложившейся практике, возбуждаются по этой статье.

33. Согласно объяснению заявителей, расследование исчезновения их родственника приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. Соответствующие постановления им не доставлялись, они лишь уведомлялись о них, когда первая заявительница посещала Грозненскую прокуратуру. Как сообщается первой заявительницей, в нарушение указаний вышестоящих прокуроров органом расследования так и не были допрошены старшие офицеры Октябрьского ВОВД.

34. Ссылаясь на информацию, предоставленную Генеральной прокуратурой, Правительство объяснило в своих меморандумах, представленных 24 августа и 27 сентября 2005 года, что 8 ноября 2000 года было возбуждено уголовное дело по ч.1 ст.105 Уголовного кодекса Российской Федерации (убийство) в связи с исчезновением Абдулкасима Заурбекова. Предварительное расследование по этому делу приостанавливалось 8 января, 29 февраля, 28 апреля, 9 ноября и 19 декабря 2001 года, 30 января и 11 октября 2002 года, 15 апреля, 23 мая, 4 августа, 22 октября и 25 декабря 2003 года, 27 ноября 2004 года и 8 сентября 2005 года и затем возобновлялось 29 января, 28 марта, 9 октября, 19 ноября и 30 декабря 2001 года, 11 июля и 15 ноября 2002 года, 28 апреля, 30 июля, 22 сентября и 25 ноября 2003 года, 15 октября 2004 года, 12 июля и 20 сентября 2005 года соответственно. В последний раз следствие было приостановлено 30 ноября 2005 года и затем возобновлено 9 июля 2007 года. Правительство сообщило, что в настоящее время это дело расследуется Грозненской прокуратурой под контролем Генеральной прокуратуры.

35. Правительство также сообщило, что первая заявительница была допрошена 20 ноября 2000 года, 15 февраля и 13 октября 2001 года. Согласно данным Правительства, в протоколах допросов первой заявительницы не содержится сведений о том, что ее муж содержался на военной базе в Ханкале. Оно также сообщило, что первая заявительница была признана потерпевшей 15 февраля 2001 года. Также властями были допрошены второй заявитель 29 ноября 2000 года и его сестра в неопределенную дату.

36. Согласно объяснениям Правительства, в период с 2002 по 2005 годы властями были допрошены более 80 должностных лиц правоохранительных органов Ханты-Мансийского округа, которые в соответствующее время служили в Октябрьском ВОВД. Правительство скрыло имена свидетелей и указало некоторые даты, в которые было сделаны допросы этих свидетелей, но не предоставило копии протоколов допроса свидетелей. Им для опознания показывалась фотография Абдулкасима Заурбекова. Они указали, что родственник заявителей никогда не содержался в изоляторе временного содержания Октябрьского ВОВД. Офицер С., который в соответствующий период времени исполнял обязанности начальника Октябрьского ВОВД, опознал родственника заявителей и заявил, что в ходе розыска следователями была получена информация, позволяющая

утверждать, что Абдулкасим Заурбеков был убит членами незаконных вооруженных групп за его отказ сотрудничать с ними. Офицер Б. заявил, что в день исчезновения Абдулкасима Заурбекова он видел его выходящим с территории Октябрьского ВОВД и направляющимся в сторону местного рынка. Правительство также сообщило, что следственными органами дважды был допрошен офицер Д., которые вынес постановление от 28 октября 2000 года о возбуждении уголовного дела в связи с исчезновением Абдулкасима Заурбекова (см. п. 21 выше), но оно не указало, какие именно заявления сделал офицер Д.

37. По сведениям Правительства, органы следствия также изъяли и исследовали документы от Октябрьского ВОВД, относящиеся к соответствующему периоду времени, и, в частности, финансовые документы о заработной плате Октябрьского РОВД Абдулкасиму Заурбекову, и журнал учета лиц, содержащихся в изоляторе временного содержания с сентября по октябрь 2000 года. Правительство не предоставило копии указанных документов и не сообщило Суду их содержание.

38. Правительство в своих объяснениях сообщило, что следственные органы направили ряд запросов в правоохранительные структуры различных регионов России. Ими была получена информация о том, что против Абдулкасима Заурбекова никогда не возбуждалось уголовное дело и не применялись специальные меры, никем из них он никогда не арестовывался и не задерживался. Властями также был осуществлен ряд мер, направленных на установление местонахождения Абдулкасима Заурбекова.

В. Запросы Суда о предоставлении материалов уголовного дела

39. В апреле 2005 года, когда жалоба была коммуницирована, Правительству было предложено предоставить копии материалов уголовного дела №12260, возбужденного в связи с исчезновением родственника заявителей. Ссылаясь на информацию, полученную из Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование продолжается, и передача документов будет нарушением статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, так как дело содержит информацию военного характера и данные личного характера о свидетелях. В то же время Правительство предложило, чтобы делегация Суда ознакомилась с делом в месте проведения предварительного расследования, за исключением «тех документов [содержащих военную информацию и личные данные свидетелей] и без права делать копии дела и передавать его другим лицам». В августе 2005 года Суд повторил свой запрос, ссылаясь на Правило 33 § 3 Правил Суд. В ответ, Правительство вновь отказалось предоставить материалы уголовного дела по вышеупомянутым основаниям.

40. 3 мая 2007 года жалоба была признана частично приемлемой. На этой стадии Суд вновь предложил Правительству предоставить материалы уголовного дела и информацию относительно хода расследования. В августе 2007 года Правительство сообщило Суду последние даты, в которые приостанавливалось и возобновлялось расследование и предоставило копию постановления от 9 июля 2007 года о возобновлении следственных действий. В описании обстоятельств дела в этом постановлении утверждалось, что Абдулкасим Заурбеков работал по трудовому соглашению в Октябрьском ВОВД города Грозный Чеченской Республики, сформированного за счет сотрудников милиции Ханты-Мансийского округа. В постановлении говорилось, что 17 октября 2000 года Абдулкасим Заурбеков прибыл вместе со вторым заявителем к Октябрьскому ВОВД за своей зарплатой и «беспрепятственно вошел на территорию Октябрьского ВОВД, после чего не вернулся, то есть пропал без вести».

41. Правительство отказалось предоставить какие-либо другие документы из материалов уголовного дела.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

42. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, §§ 67-69, 15 November 2007.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

43. Правительство утверждает, что жалоба должна быть признана неприемлемой, так как заявителями не были исчерпаны доступные им внутренние средства правовой защиты. Оно заявило, что расследование исчезновения родственника заявителей еще не окончено. Оно также утверждало, ссылаясь на статью 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, что заявители могли предъявить в суд гражданский иск на действия или бездействия правоохранительных органов и требовать возмещения ущерба, причиненного смертью их родственников, однако, как заявляло Правительство, они не воспользовались данным средством правовой защиты.

44. Заявители оспорили возражение Правительства. Они утверждали, что административная практика, состоящая в продолжающейся неспособности властей осуществлять адекватные

расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне, сделала все потенциально эффективные средства правовой защиты неэффективными и иллюзорными в их деле. В этой связи заявители опирались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, заявляющими, что они являются жертвами схожих нарушений, а также на документы правозащитных неправительственных организаций и Совета Европы. Заявители утверждали, что в любом случае они неоднократно обращались в правоохранительные органы, включая различные органы прокуратуры, и пытались принять участие в расследовании. Этот способ, однако, оказался безрезультатным, учитывая, что уголовное расследование продолжается с ноября 2000 года, но оказалось не способно установить личности вовлеченных в незаконное задержание и исчезновение Абдулкасима Заурбекова, несмотря на убедительные доказательства, подтверждающие участие в этом представителей правоохранительных органов.

45. Заявители также утверждали, что Правительством не было продемонстрировано, что обжалование в судебном порядке действий либо бездействия органов следствия могло бы явиться эффективным средством правовой защиты в их ситуации. Они указали, что в соответствии с национальным правом суд, по результатам рассмотрения такой жалобы, мог бы обязать органы следствия возобновить расследование либо осуществить определенные следственные действия. В этой связи заявители указали, что расследование похищения их родственника несколько раз возобновлялось; вместе с тем, на данный момент оно не дало никаких результатов. В связи с этим заявители утверждали, что жалоба в суд на следователей не изменила бы ситуацию, а поэтому у них не было обязанности использовать это средство правовой защиты. Заявители также ссылались на устоявшуюся судебную практику Суда, согласно которой в любом случае власти должны осуществлять расследование по своей собственной инициативе, как только соответствующий вопрос доведен до их сведения, не оставляя инициативу по осуществлению следственных действий родственникам и не перекладывая на них ответственность.

В. Оценка суда

46. Суд посчитал в своем решении от 3 мая 2007 года, что вопрос исчерпания внутренних средств правовой защиты так близко связан с существом дела и что его нужно соединить с рассмотрением дела по существу. Далее Суд приводит свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики.

47. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты согласно Статье 35 § 1 Конвенции налагает на заявителей обязанность вначале использовать средства правовой

защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике - в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Однако заявитель не обязан прибегать к средству правовой защиты, которое неадекватно или неэффективно. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имела возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха. (см. *Aksoy v. Turkey* постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996 VI, стр. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 16 сентября 1996 г., *Отчеты 1996 IV*, стр. 1210, § 65-67; и из последних по времени, *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006 г.)

48. В настоящем деле, относительно аргумента Правительство о том, что расследование еще не было закончено и что заявители не обжаловали действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов в суде по Статье 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, Суд в первую очередь отмечает, что Правительство не указало, какие именно действия или бездействия следователей заявители должны были обжаловать в суде. Он далее замечает, что правовой документ, на который ссылалось Правительство, вступил в законную силу 1 июля 2002 и что заявители, очевидно, не имели возможности прибегнуть к средству, требуемому Правительством до даты рассмотрения. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения, непосредственно связанные с вопросом об эффективности расследования, а потому Суд считает уместным обратиться к нему в рамках рассмотрения по существу жалоб заявителей на нарушение Статьи 2 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

49. Заявители жаловались на то, что их близкий родственник исчез, находясь в руках властей, и что органами государственной власти не было проведено эффективное расследование этого обстоятельства. Они ссылались на Статью 2 Конвенции, которая гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Предполагаемый отказ в защите права на жизнь

1. Информация, предоставленная сторонами

50. Заявители подчеркнули, что Абдулкасим Заурбеков пропал, находясь в руках властей при обстоятельствах, угрожающих жизни, и что Правительство не представило какого-либо правдоподобного объяснения того, где он находится. Заявители утверждали, что факт того, что их родственник не числится среди содержащихся в местах содержания под стражей, как было заявлено Правительством, доказывал, что его жизнь находилась в опасности после того, как он был задержан, так как в Чечне существовала широко распространенная практика насильственных исчезновений, внесудебных казней, пыток и дурного обращения с задержанными со стороны представителей федеральных сил. Заявители, таким образом, утверждали, ссылаясь на статью 2 Конвенции, что тот факт, что Абдулкасим Заурбеков с 17 октября 2000 года считается пропавшим, свидетельствует о том, что он был убит.

51. Правительством было указано, что 17 октября 2000 года Абдулкасим Заурбеков прибыл в Октябрьский ВОВД, и заявило, что «его местонахождение неизвестно». Однако оно доказывало, со ссылкой на ответ из Генеральной прокуратуры, что следствием не установлена причастность сотрудников российских правоохранительных органов к исчезновению Абдулкасима Заурбекова и нет убедительных доказательств, позволяющих утверждать, что он мертв.

2. Оценка Суда

52. В свете значения защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть факт лишения жизни наиболее тщательному изучению, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Следовательно, когда лицо помещено под стражу в хорошем состоянии здоровья и при его освобождении установлено, что у него имеются повреждения, для государства обязательным является предоставление приемлемого объяснения тому, каким образом данные повреждения были получены. Обязанность властей отчитаться за обращение с задержанным носит особо строгий характер, если лицо умирает или исчезает после задержания (см., среди прочего *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 326, 18

June 2002). Там, где рассматриваемые события целиком или в большей мере, находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами находящимися под их контролем при содержании под стражей, возникают серьезные предположения о фактических обстоятельствах, имевших место в связи с повреждениями и смертью, происшедшими во время нахождения под стражей. Таким образом, можно считать, что бремя доказывания и обеспечение удовлетворительных и убедительных объяснений лежит на властях (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV). Эти принципы применимы также к делам, по которым хотя не доказано, что лицо было задержано властями, но возможно установить, что он или она вошли в место под их контролем, после чего пропали без вести. В таких обстоятельствах Правительство должно предоставить правдоподобное объяснение тому, что произошло в помещениях под его контролем, и показать, что соответствующее лицо не было задержано властями, а покинуло помещения без последующего лишения его или ее свободы (см. *Taniş and Others v. Turkey*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-VIII).

53. В настоящем деле Суд отмечает, что Правительство отрицало, что агенты государства задержали Абдулкасима Заурбекова и что следует предполагать, что он мертв. С другой стороны, оно признало конкретные факты, лежащие в основе версии заявителей об исчезновении Абдулкасима Заурбекова. В частности, общей позицией сторонам является то, что точно было установлено властями (см. п.40 выше), а именно: 17 октября 2000 года он прибыл к Октябрьскому ВОВД и беспрепятственно вошел на его территорию. Правительство не доказало с убедительностью, что он без сомнения вышел впоследствии. В этой связи Суд отмечает, что ссылка Правительства на показания свидетеля офицера В., который утверждал, что видел Абдулкасима Заурбекова идущим по территории Октябрьского ВОВД в день его исчезновения, и другая ссылка на показания свидетеля офицера С., заявившего, что Абдулкасим Заурбеков мог быть убит членами незаконных бандформирований (см. п.36), могут допускать, что Абдулкасим Заурбеков вышел из Октябрьского ВОВД. Тем не менее, Правительство не предоставило протоколы допросов офицеров В. и С., на которые ссылалось, не подтвердило данные утверждения этими или другими показаниями свидетелей, или другими доказательствами. Суд, таким образом, не может принять эти заявления и находит установленным, что Абдулкасим Заурбеков вошел на территорию Октябрьского ВОВД и никогда не выходил.

54. Суд далее отмечает, что о родственнике заявителей нет никаких известий с 17 октября 2000 года. Его фамилия не была указана ни в этом из официальных журналов учета задержанных (см. п. 38 выше). Правительство не предоставило никаких разумных объяснений того, что с ним могло случиться после этого дня.

55. Суд полагает, что, в контексте конфликта в Чеченской Республике, если родственник заявителей вошел на территорию,

принадлежащую милиции, и в последствии пропал без вести на многие годы, то - даже при отсутствии каких-либо заключительных доказательств о произошедшем с ним в последствии - это может быть признано как незаконно задержание агентами государства. Суд далее отмечает, что такие обстоятельства это могут рассматриваться как угрожающая жизни ситуация, принимая во внимание, в частности, доступную информацию относительно нескольких других дел об исчезновениях на территории Октябрьского ВОВД г. Грозный в сентябре-октябре 2000 года (см *Magomadov and Magomadov v. Russia*, по. 68004/01, §§ 76, 98 и 108, 12 июля 2007). По вышеозначенным причинам и принимая во внимание обстоятельства дела, в особенности такой значительный промежуток времени с того дня, когда Абдулкасим Заурбеков пропал, Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что его следует считать умершим и что смерть наступила после не признаваемого властями задержания агентами государства.

56. В отсутствие какого-либо объяснения со стороны Государства применения относительно обстоятельства смерти Абдулкасима Заурбекова, Суд делает вывод, что родственника заявителей следует считать умершим после его безвестного задержания и что ответственность за его смерть несет Государство.

57. Следовательно, имеет место нарушение статьи 2 § Конвенции в этой связи.

В. Предполагаемая неадекватность расследования

1. Информация, предоставленная сторонами

58. Заявители утверждали, что властями не была выполнена их обязанность по осуществлению эффективного расследования обстоятельств исчезновения их родственника. Они заявляли, что оно длится с 8 ноября 2000 года, но до сих пор не дало каких-либо ощутимых результатов, неоднократно приостанавливаясь и возобновляясь. Более того, заявители не уведомлялись следственными органами о постановлениях, касающихся приостановления и возобновления расследования и о его результатах. В связи с этим, позднее заявители подчеркнули, что российские власти не информировали их о следственных мероприятиях даже после того, как настоящая жалоба была признана частично приемлемой. Многочисленные обращения заявителей к властям в ходе расследования оставались без ответа либо приводили лишь к отсылке стандартных отписок. Заявители не имели доступа к материалам дела. В подтверждение своего аргумента о неэффективности расследования заявители также сослались на отказ Правительства предоставить копию материалов уголовного дела по факту исчезновения их родственника.

59. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало конвенционным требованиям эффективности, так как все меры, предусмотренные национальным законодательством, были приняты для того, чтобы установить виновных.

2. Оценка Суда

60. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь по Статье 2 Конвенции находится во взаимосвязи с общей обязанностью государства по Статье 1 Конвенции «обеспечива[ть] каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», также требует проведения какой-либо формы эффективного официального расследования в случае гибели людей в результате применения силы, в частности агентами государства. Расследование должно быть эффективным в смысле, что оно должно привести к установлению и наказанию виновных в преступлении (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 88, ECHR 1999-III). В этом контексте необходимо отметить обязательное наличие четкого требования о своевременности и разумных сроках проведения расследования (см. *Yaşa v. Turkey*, указанное выше, § 102-104; и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Следует признать возможность возникновения препятствий или трудностей, мешающих проведению расследования в конкретной ситуации. Однако незамедлительное реагирование властей путем расследования случаев применения силы, повлекшей лишение жизни, можно считать в целом необходимым для поддержания в обществе веры в верховенство закона и во избежание впечатления пособничества противоправным действиям или терпимого отношения к ним. По тем же причинам для обеспечения подотчетности не только в теории, но и на практике необходим элемент адекватного общественного контроля над ходом следствия и его результатами. Требуемая степень общественного контроля может быть разной в различных случаях. Однако во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процессуальных действиях в такой степени, в какой это необходимо для обеспечения его (ее) законных интересов (см. *Shanaghan v. the United Kingdom*, no. 37715/97, §§ 91-92, 4 мая 2001 г.).

61. В настоящем случае Суд отмечает, что в некотором объеме расследование исчезновения родственника заявителей проведено было. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции. Суд отмечает в этой связи, что данных о расследовании очень мало, так как Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела и ответить на конкретные вопросы Суда (см. п. 39-41 выше). Делая выводы из поведения Правительства при установлении фактов (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978 года, Серия А, пп.64-65,

§ 161), Суд будет оценивать существо жалобы на основании имеющихся у него сведений.

62. Суд отмечает, что власти немедленно были уведомлены об исчезновении Абдулкасима Заурбекова лично первой заявительницей, которая посетила Октябрьский ВОВД на следующий день после 17 октября 2000 (см. п. 15-17), этот факт не оспаривался Правительством. Тем не менее, несмотря на усилия первой заявительницы, власти не возбудили уголовное дело до 8 ноября 2000 года, в течение трех недель после исчезновения родственника заявителей. Правительство не предоставило никаких объяснений такой задержки в ситуации, когда необходимы немедленные действия.

63. Более того, следствие было возбуждено и велось с неоправданными недочетами в проведении важнейших следственных мер. В частности, несмотря на многочисленные доказательства того, что родственник заявителей пропал на территории Октябрьского ВОВД, остается не ясным, какие значимые меры были предприняты для установления среди штата Октябрьского ВОВД вероятно причастных к его исчезновению. Не установлено, что территории Октябрьского ВОВД была досмотрена в ходе расследования, или что сделаны какие-либо экспертные заключения, или что какие-либо сотрудники Октябрьского ВОВД, проходившие службу в указанное время, были допрошены в первые недели или даже месяцы после исчезновения Абдулкасима Заурбекова. Напротив, из информации, предоставленной Правительством, можно заключить, что сотрудники правоохранительных органов, которые служили в Октябрьском ВОВД в то время, когда произошло исчезновение Абдулкасима Заурбекова, были допрошены только в 2002-2005 годах (см. п. 36 выше), то есть тогда, когда они уже покинули указанное место службы. Суд скептически относится к замечаниям Правительства, что следственные органы допросили ряд сотрудников правоохранительных органов, которые служили в Чечне в указанное время, так как Правительство не представило никакие подтверждающие документы, например, протоколы допросов, интервью.

64. Суд далее замечает имеющее место промедление с признанием первой заявительницы потерпевшей по делу. Со времени возбуждения следствия 8 ноября 2000 года и до 15 февраля 2001 года, когда первая заявительница была признана потерпевшей по делу, она не имела минимальных гарантий участия в уголовном процессе. Более того, не установлено, что до — или даже после — вынесения этого постановления, первая заявительница была должным образом информирована о ходе следствия или получила доступ к материалам уголовного дела (см. п.п. 23, 33 и 58 выше). Суд отмечает в этой связи, что Правительство не предоставило никаких копий уведомлений заявителей о мероприятиях по уголовному процессу или разрешения на ознакомление с материалами уголовного дела.

65. В заключении, Суд отмечает, что с ноября 2000 года по настоящее время следствие приостанавливалось и возобновлялось, по крайней мере, пятнадцать раз.

66. Суд отмечает, ссылаясь на довод Правительства относительно того, что заявители якобы не обжаловали в суде действия или бездействие следователей, как это предусмотрено статьей 125 УПК РФ, что в отсутствие какой-либо информации о результатах расследования против должностных лиц, возбужденного заявителями, Суд считает, что в ситуации, когда следствие неоднократно приостанавливают и возобновляют, когда заявителям не дают возможности ознакомиться с материалами дела ни на одном его этапе, когда о ходе расследования их информируют лишь от случая к случаю, весьма сомнительно, чтобы упоминаемое Правительством средство правовой защиты имело какие-то шансы на успех. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что данное средство правовой защиты могло бы обеспечить восстановление справедливости в ситуации заявителей – иными словами, что оно исправило бы недостатки следствия и привело бы к установлению и наказанию лиц, виновных в смерти родственников заявителей. Поэтому Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не было установлено с достаточной степенью достоверности, что предлагаемое Правительством средство правовой защиты было бы эффективно в том значении, в каком это предусмотрено Конвенцией. Суд считает, что заявители не были обязаны прибегать к этому средству и что в данной части предварительные возражения Правительства следует отклонить.

67. В свете вышесказанного и в связи с указанными выше заключениями относительно замечаний Правительства, Суд приходит к выводу, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Абдулкасима Заурбекова. Поэтому Суд постановляет, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

68. Заявители также жаловались, что у них есть серьезные основания полагать, что Абдулкасим Заурбеков подвергался пыткам и бесчеловечному обращению, а также, что в этом отношении не было проведено эффективного расследования. По данному вопросу заявители также указали, что они пережили тяжелое душевное угнетение и страдания в связи с исчезновением их родственника, а также в связи с неспособностью государства провести тщательное расследование в этом отношении. Они сослались на статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Заявленное жестокое обращение в отношении родственника заявителей

69. Заявители настаивали, что есть серьезные основания полагать, что Абдулкасим Заурбеков подвергся дурному обращению после того, как он был задержан. Они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, утверждающими, что они являются жертвами схожих нарушений, а также на документы правозащитных неправительственных организаций и Совета Европы, содержащих сведения о многочисленных случаях, когда лица, задержанные в Чечне, впоследствии были найдены мертвыми либо возвращались из заключения со следами пыток или дурного обращения. Заявители далее заявляли, что по этому вопросу не было проведено расследования.

70. Правительство утверждало, что нет доказательств, позволяющих утверждать, что родственник заявителей был подвергнут обращению, запрещенному статьёй 3 Конвенции

71. Суд повторяет, что обвинения в дурном обращении должны подтверждаться надлежащими доказательствами. При оценке таких доказательств Суд применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения», однако добавляет, что такие доказательства могут вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, pp. 64-65, § 161 *in fine*).

72. Суд сделал вывод, что Абдулкасима Заурбекова следует считать умершим после его безвестного задержания агентами государства (см. п.п. 55-56). Тем не менее, в отсутствие какой-либо соответствующей информации или подтверждений, Суд не может сделать вывод с необходимой степенью доказанности, о якобы имевшем место жестоким обращении либо о том, как погиб Абдулкасим Заурбеков, и считает, что данная жалоба должна быть отклонена.

73. Суд не может сделать вывод о том, что имело место нарушение Статьи 3 по этому основанию.

В. Жалобы относительно душевных страданий заявителей

74. Заявители жаловались, что они подверглись серьезным моральным страданиям, которые находятся в пределах действия статьи 3 Конвенции, ввиду безразличного отношения государства к исчезновению их родственника и его продолжающейся неспособности проинформировать их о ходе расследования.

75. В замечаниях Правительства утверждалось, что следствие не получило доказательств, позволяющих утверждать, что заявители были подвергнуты обращению, запрещенному статьёй 3 Конвенции.

76. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3,

зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, цит. выше, § 358 и [*Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 164, ECHR 2006-... \(выдержки\)](#)).

77. Суд замечает, что в настоящем деле исчезнувший являлся мужем первой заявительницы и отцом второго заявителя. Около семи лет они не имеют никаких известий о своем близком родственнике. Эмоциональные переживания заявителей в этот период вызваны их многочисленными попытками призвать власти к действиям и их собственными попытками найти члена своей семьи (см. п.п. 14-18 выше). Суд далее ссылается на установленные выше недостатки в проведении расследования. В частности, он принимает во внимание отсутствие доступа к материалам уголовного дела и информации о ходе следствия как составляющих элементов, которые причиняли душевные страдания заявителям. Это означает, что безвестность заявителей относительно судьбы их близкого родственника усугублялась тем, что они не владели возможной информацией о ходе расследования.

78. Суд считает, что заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их родственника и неспособности получить у следственных органов информацию о произошедшем. То, каким образом власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

79. В свете вышесказанного, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

80. Заявители далее указали, что положения Статьи 5 в целом были нарушены в отношении незаконного задержания Абдулкасима Заурбекова и гарантий против произвола. Статья 5 Конвенции гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

81. Заявители повторили свой аргумент, что Абдулкасим Заурбеков был задержан представителями федеральных сил, и заявили, что его задержание не удовлетворяет ни одному из условий, предусмотренных в статье 5 Конвенции, так как оно не имело оснований по национальному праву и было осуществлено не в соответствии с установленной законом процедурой и не было формально зарегистрировано.

82. Правительство утверждало, что следствием не получены доказательства того, что Абдулкасим Заурбеков был лишен свободы в нарушение статьи 5 Конвенции.

83. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию.

Также суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5. Для уменьшения риска произвольного задержания, Статья 5 предусматривает ряд материальных прав, направленных на обеспечение того, чтобы действия по лишению свободы были открытыми для независимой судебной проверки, и обеспечение ответственности властей за применение данной меры. Непризнанное задержание индивида представляет собой полное отрицание данных гарантий и является наиболее тяжким нарушением Статьи 5. Учитывая

обязанность властей, предусматривающую несение ответственности за находящихся под их контролем лиц, Статья 5 требует от них принятия эффективных мер по избеганию риска исчезновения, а также по проведению своевременного и эффективного расследования обоснованных утверждений о том, что лицо не видели с тех пор, как оно было помещено под стражу (см. среди прочего *Çakici v. Turkey*, цит. выше, § 104).

84. В настоящем деле Суд считает, что Абдулкасим Заурбеков был незаконно задержан (см. п. 55 выше) и считает, что это представляет собой особо тяжкое нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, охраняемого Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

85. Заявители утверждали, что в отношении их жалоб по статьям 2, 3 и 5 отсутствовали эффективные средства правовой защиты, что нарушает статью 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

86. Заявители ссылались на статью 13 Конвенции, заявляя, что в их деле обычно доступные национальные средства правовой защиты показали себя неэффективными, учитывая, что расследование продолжается в течение нескольких лет без какого-либо результата, им никогда не предоставлялся доступ к материалам расследования, а все их обращения к органам власти оставались без ответа либо приводили к отсылке лишь стандартных отписок.

87. Правительство утверждало, что заявители имели эффективные средства правовой защиты, как требуется статьей 13 Конвенции, и российские власти не препятствовали им в обращении к этим средствам. Оно также заявило, что родственники пропавшего лица были признаны потерпевшими и получили мотивированные ответы на все свои ходатайства, сделанные в ходе расследования.

88. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу "потенциально достоверной" жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государствам дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем

правовое средство, требуемое статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (цитируемое выше постановление по делу *Aksoy*, § 95).

89. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; *Assenov and Others v. Bulgaria*, постановление от 28 октября 1998, *Reports* 1998-VIII, § 117; и *Süheyla Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, цит. выше, § 384).

90. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2, жалобы заявителей явно следует считать "потенциально достоверными" в значении Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., Сер.А no. 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и назначению компенсации для целей Статьи 13.

91. Из этого следует, что при обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. п. 69 выше) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. среди прочего *Musayeva and Others v. Russia*, no. 74239/01, § 118, 26 июля 2007, или *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 117, 15 ноября 2007).

92. Следовательно, имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части вышеназванных нарушений Статьи 2 Конвенции.

93. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, относительно жестокого обращения к Абдулкасиму Заурбекову во время задержания властями, Суд отмечает, что указанная жалоба была признана недоказанной (см. п. 72). В отсутствие признанного нарушения материальной части Конвенции, Суд находит, что не имело место нарушение Статьи 13 в этом отношении также.

94. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции в части душевных страданий заявителей, Судом было установлено, что заявители испытывали и продолжают испытывать моральные страдания среди прочего и потому, что *inter*

alia неспособности властей провести соответствующее расследование исчезновения их родственника (см. п. 78 выше). Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части отсутствия надежных средств правовой защиты в ситуации, подобной той, в которой оказались заявители, когда следствие было неэффективным (см. п.п. 91-92 выше). Принимая во внимание вышесказанное, Суд считает, что жалоба заявителей по Статье 13 в связи со Статьей 3 относится к нарушениям Статьи 13 в связи со Статьей 2 Конвенции. Из этого следует, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

95. И, наконец, что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд ссылается к его решению относительно нарушения этого положения, изложенному выше. В свете этого Суд считает, что никаких дополнительных вопросов не возникает относительно Статьи 13, рассматриваемой в совокупности со Статьей 5 Конвенции, которая сама содержит процессуальные гарантии, связанные с законностью задержания.

VI. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (А) КОНВЕНЦИИ

96. Заявители утверждали, что непредставление Правительством документов, запрошенных Судом на стадии коммуникации и после вынесения решения о приемлемости, указывает на несоблюдение обязательств, Статьей 38 § 1 (а) Конвенции. Соответствующие части этой Статьи гласят:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия;

...”

97. Заявители призвали Суд признать, что отказ Правительства предоставить копию уголовного дела по специальному запросу Суда нарушает обязательства государства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции.

98. Правительство оспорило эту жалобу по Статье 38 § 1 (а), так как оно предоставило «все существенные процедурные документы» и подробную информацию о следственных мероприятиях, предпринятых по делу. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса. Оно также заявило, что принимает во внимание возможность, предоставляемую Правил 33 Правил Суда об обеспечении конфиденциальности представленных материалов, но заметило, что Суд не может гарантировать, что раскрытые заявителям или их представителям материалы не станут публичными. По мнению Правительства, в отсутствие санкций в отношении заявителей за

раскрытие секретной информации или материалов нет гарантий исполнения ими требований Конвенции и Регламента Суда.

99. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. цитируемое выше постановление по делу *Tanrikulu*, [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или выполняет свои обязанности общего характера по рассмотрению жалоб. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством-ответчиком его обязательств по Статье 38 § 1 (a) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI). В деле, в котором заявители поднимают вопрос об эффективности расследования, материалы уголовного дела крайне существенны для установления фактов и их отсутствие может препятствовать надлежащему изучению Судом, как на стадии приемлемости, так и при рассмотрении дела по существу (см. *Tanrikulu*, цит. выше, § 70).

100. Суд отмечает, что он несколько раз запрашивал у Правительства предоставить копии материалов уголовного дела, возбужденного по факту исчезновения родственника заявителей. Данные, содержащиеся в этих материалах, расценивались Судом как существенные для установления фактов настоящего дела. В ответ Правительство подало только копию одного документа, а именно постановления, датированного 9 июля 2007 года о возобновлении уголовного дела №12260. Ссылаясь на статью 161 УПК РФ, Правительство отказалось предоставить какие-либо материалы уголовного дела. Суд в данном случае приводит в недоумение аргумент Правительства о том, что оно предоставило «все существенные процедурные документы» из материалов уголовного дела.

101. Суд отмечает, что Правительство не просило о применении Правила 33 § 2 Регламента Суда, разрешающего ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Далее Суд отмечает, что положения Статьи 161 УПК, на которые ссылается Правительство, не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации. Правительство не объяснило, каким образом представление запрошенных материалов повлияет на интересы следствия ли вовлеченных лиц (см. *Mikheyev v.*

Russia, no. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года). Суд также указывает на некоторые рассматриваемые Судом сходные жалобы, где в ответ на аналогичные запросы Правительство РФ представило документы из материалов дела без ссылок на Статью 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и 57945/00, § 46, 24 февраля 2005, или *Magomadov and Magomadov v. Russia*, № 68004/01, §§ 36 и 82, 12 июля 2007). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства относительно предоставления материалов дела недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

102. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи исчезновением родственника заявителей.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

103. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение ущерба

1. Возмещение материального ущерба

104. Заявители потребовали возмещения ущерба за потерю заработков Абдулкасима Заурбекова с момента его исчезновения. Они не предоставили документа о ежемесячной заработной плате их родственника, который работал крановщиком, указывая, что они не смогли получить официальную информацию о его заработной плате, так как фактически Октябрьский ВОВД больше не существует. Заявители, однако, подали справку, выданную производственно-коммерческой фирмой Чеченской Республики, в которой указано, что среднемесячная заработная плата машинистов автокранов в этой организации составляет 18 тысяч рублей (т.е. приблизительно 500 евро). Заявители указали, что они могли бы рассчитывать на финансовую поддержку со стороны Абдулкасима Заурбекова в размере 1 394 983 рублей 08 копеек (приблизительно 38 000 евро) и 21 384 рубля (приблизительно 600 евро). Их расчеты основывались на таблицах, разработанных для исчисления компенсации при несчастных случаях и случаях нанесения личного оскорбления Страховым

Департаментом Правительства Великобритании в 2004 году (“Ogden tables”), ссылаясь на отсутствие равноценного метода калькуляции в России.

105. Правительство заявило, что данное требование является чрезмерным и основанным на предположениях.

106. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см., среди других прецедентов, *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 127, ECHR 1999-IV). Суд считает, что здесь, в самом деле, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственника заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им оказывать. Суд, однако, не согласен с суммой заявленных требований, в частности, потому что Абдулкасим Заурбеков был уволен незадолго до его исчезновения и заявители не предоставили данных о размере заработной платы, которую он получал в 2000 году, сумма среднемесячной заработной платы в 2007 году, указанная в справке, является завышенной. Учитывая объяснения заявителей, Суд не считает, что просьбы седьмого и восьмого заявителей завышены. Поэтому он присуждает заявителям совместно 8000 евро в виде компенсации материального ущерба, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

2. Возмещение морального ущерба

107. Заявители запросили 50 000 каждому в качестве компенсации морального ущерба за испытанные страдания и стресс из-за того, что исчезновения своего родственника.

108. Правительство посчитало требования заявителей завышенными и выразило мнение, что если Суд признает нарушение прав заявителей, будет достаточно символической суммы компенсации.

109. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в отношении не признаваемого властями задержания и исчезновения родственника заявителей, душевного страдания самих заявителей из-за отсутствия эффективных внутригосударственных средств защиты от подобных нарушений. Более того, Суд установил, что Правительство не выполнило обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных Судом. Заявители пережили душевные страдания и стресс в этих обстоятельствах, которые не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает по 25 000 евро каждому заявителю плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

В. Издержки и расходы

110. Заявителей в Суде представляли юристы организации SRJI. Они предоставили список понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, поданных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 10 749.46 евро, в том числе 9,100 евро за 72 часа, затраченных сотрудниками SRJI на подготовку и написание материалов по жалобе, 775.46 евро расходов за переводы, 237 евро за услуги курьерской почтовой службы при отправке документов в Суд и административные расходы в размере 637 евро (7% от указанной суммы по работе юристов).

111. Правительство не оспаривало отдельные пункты сметы, поданной заявителями, но оспорило требования в целом как завышенные, утверждая, что SRJI является некоммерческой неправительственной организацией и должно оказывать помощь заявителям безвозмездно.

112. Суд отмечает, что в октябре 2001 года заявители дали SRJI доверенности на предоставление их интересов в ходе рассмотрения дела перед Европейским Судом по правам человека. SRJI являлись представителями заявителей на протяжении всего процесса. Заявители также предъявили необходимые документы в подтверждение своих расходов на переводы и услуги почты. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки за работу юристов и старших сотрудников SRJI разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

113. Суд далее отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако, после того как первоначальная жалоба была завершена, в деле фигурировало немного подтверждающих документов, и поэтому Суд сомневается в том, что на более поздних стадиях на исследовательскую работу и подготовку материалов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

114. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 8000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

115. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении исчезновения Абдулкасима Заурбекова;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения властями адекватного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Абдулкасима Заурбекова;
4. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 3 Конвенции в отношении заявленного жестокого обращения к Абдулкасиму Заурбекову;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий, испытанных заявителями из-за исчезновения их родственника и непроведения эффективного расследования этого факта;
6. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Абдулкасима Заурбекова;
7. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части заявленных нарушений Статьи 2 Конвенции;
8. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 Конвенции в отношении Абдулкасима Заурбекова;
9. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 в отношении испытанных душевных страданий заявителей и в связи с заявленным нарушением Статьи 5 Конвенции;
10. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Правительства предоставить запрошенные Судом документы;
11. *Постановляет*
(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявителям следующие суммы которые за вычетом суммы, подлежащий уплате

на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день оплаты:

- i. 8 000 евро (восемь тысяч евро) заявителям совместно в качестве компенсации материального ущерба;
- ii. 25 000 евро (двадцать пять тысяч евро) каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда;
- iii. 7 150 евро (семь тысяч сто пятьдесят евро), в счет возмещения издержек и расходов; подлежащие уплате на счет банка в Нидерландах, указанный представителями заявителей;
- iv. плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

12. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявительницы о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 9 октября 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен (Секретарь), Кристос Розакис (Президент)